

12. Минцлоф Р. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге. – СПб., 1872.
13. Михеева Г.В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.8-18.
14. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVII – начало XX века. – Симферополь, 2001.
15. Новые книги. Апрель 1855 (б. п.) // Современник. – 1855. – Т. LI. – С.1 – 22.
16. Описание рукописей собрания Черткова. – Новосибирск, 1986.
17. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 10, 16.
18. Романов А.П., Секуторова Г.Д. Проблемы комплектования изданий по росике в РНБ // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.54-61.
19. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989.
20. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Приложение II. – М., 1845.
21. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях, собранных А.Д.Чертковым. Издание второе, исправленное и слишком вдвое умноженное. – М., 1863-1864.
22. Catalogue de la section des ROSSICA de la bibliotheque de A.S.Souvorine. – Petrograd: Тип. Т-ва А.С.Суворина, 1914.
23. Catalogue de la section des Russica ouécrits sur la Russie en langues étrqngères. – St.Pétersbourg, 1873. – Т. I-II.

Поступила 27.09.2004 г.

ОБРАЗ СКОРБНОГО ПОЭТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПОСВЯЩЕНИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ „НАДСОНОВА ДОМІВКА В ЯЛТІ” («ДОМИК НАДСОНА В ЯЛТЕ»)

Т.С. Павловская

В статье рассматривается проблема читательского восприятия творчества Надсона его современниками, и в частности объектом изучения становятся поэтические созвучия в лирике Надсона и выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки.

Ключевые слова: С.Надсон, Л.Украинка, читательское восприятие, эпоха безвременья, литературная репутация

У статті розглядається проблема читацького сприйняття творчості Надсона його сучасниками, і зокрема об'єктом вивчення стають поетичні співзвуччя у ліриці Надсона і видатної української поетеси Лесі Українки.

Ключові слова: С.Надсон, Л.Українка, читацьке сприйняття, епоха, літературна репутація

The question of reader's perception of Nadson's creative work by his contemporaries is examined in the article. In particular, the object of study is the poetic consonance in lyrics of Nadson and the famous Ukrainian poetess Lesya Ukrainka.

Key words: S. Nadson, L. Ukrainka, readers' perception, the untempory epoch, literary reputation

Общепризнан факт ошеломляющего успеха С. Я. Надсона (1862-1887) в конце XIX и начале XX столетий. Сборник его стихотворений переиздавался 29 раз. С.Поварнин так объяснял популярность поэзии Надсона (1897 г.): «<...> Несомненно, успеху этому способствовал и талант поэта, искренность, сила его чувства, симпатичная личность его и печальная судьба. Но, конечно, главная причина его успеха заключается в содержании его поэзии» [12, с.76].

Вместе с тем нельзя сказать, что творчеству С.Надсона уделяется в литературоведении систематическое внимание. Исследователь, как правило, имеет дело с современными поэту критическими отзывами [1; 2; 14] и отдельными наблюдениями над творческой манерой Надсона [14]. Вопрос о феноменальном поэтическом и личностном обаянии Надсона способен занять достойное место в проблематике рецептивной эстетики. Целью настоящей статьи является, с одной стороны, изучение читательского видения творчества Надсона, а с другой – история конкретного восприятия лирики Надсона выдающимся украинским поэтом Лесей Украинкой, предпосылкой к чему становятся стихотворение поэтессы, посвященное Надсону, а также ее переводы некоторых его стихотворений.

В эпоху «безвременья», которая хронологически обозначена 1881-1882 гг., молодым современникам Надсона были близки настроения неудовлетворенности окружающим миром, разочарования, пессимистического мировосприятия. Статистика отмечала, что именно в этот период были распространены такие социальные явления, как сумасшествие и самоубийства, к чему, кстати, был близок и Надсон. 10 мая 1880 г. в дневнике поэт записал, размышляя о своей жизни: «<...> Все это, конечно, не может влиять на меня благоприятно, в особенности если прибавить ко всему этому ту непосильную тяжесть, которая уже столько лет наполняет непрерывно борьбою мою жизнь и медленно, но верно ведет меня к сумасшедшему дому и к ранней, мучительной смерти» [8, с.191]. Уже тогда Надсон предрекал себе раннюю кончину.

В этом контексте для нас важно понять, что поэтическое амплуа С.Я. Надсона не исчерпывалось только жалобами, страданием и тоской. Очарование и привлекательность поэзии Надсона – еще и в образе лирического певца. И все же доминирующим мотивом в творчестве поэта был мотив страдания и скорби.

Так случилось, что Лесю Украинку, как и Надсона, привела в Крым тяжелая болезнь. Впервые она приехала сюда в 1890 г. [6, с.79]. Тогда еще неизвестная молодая поэтесса только на два дня останавливается в Ялте.

О недавней кончине хорошо известного и популярного в те годы С. Я. Надсона, конечно, знала и Л. Украинка. Знала и об обстоятельствах последних месяцев его жизни. Имеется в виду ситуация «Надсон – Буренин». Критик В.П.Буренин стал самым яростным оппонентом Надсона. В ноябре 1886 г. в газете «Новое Время» появились его фельетоны с резкой критикой не столько стихотворений, сколько литературного поведения С. Я. Надсона, предполагая в его физическом состоянии долю симуляции для получения материальной поддержки от Литературного фонда. Характерно, что, хоть и безотносительно к Надсону, вопрос о спекуляциях на благотворительности поднимал не один Буренин. В частности, как заметил современник, нуждающимся в благотворительности мог представить себя любой человек, «до виртуозности выработанный и выдрессированный» для жизни в обществе, оставаясь в то же время «презреннейшим негодяем и мерзавцем в нравственном отношении» [10, с.101]. Быстро увеличивающееся число таких людей во всех слоях общества вызывало законное недоверие, что в какой-то мере определило пафос выступлений В.П.Буренина.

Однако пребывание больного Надсона в Ялте в 1886 г. стало последним в жизни и, как оказалось, благодаря статьям Буренина, самым тяжелым в моральном плане. Не называя Надсона по имени (но достаточно определенно намекая), Буренин иронизировал над больным поэтом. «Если бы он говорил обо мне, как о поэте, я не обратил бы никакого внимания на его отзывы, хорошо понимая, чем они внушены, – возмущался Надсон в письме из Ялты. – Но он глумится над моей личностью, над моими отношениями к близким мне людям, над посвящением моей книги». Для современников после истории с Надсоном Виктор Буренин ассоциировался с Зоилом, «буквально затолкавшим в могилу» талантливого и больного поэта. При всей своей талантливости Буренин допустил явный перехлест и недалевидность, сосредоточившись на частной ситуации в поэзии Надсона – на заострении внимания на личной судьбе поэта. Многие, в том числе Л.Украинка, восприняли гонение на Надсона как личную боль. Но на самом деле литературно-личностная близость Надсона и молодой украинской поэтессы обусловлена гораздо более глубокими причинами. Правы те современники, которые видели в Надсоне и его творчестве, а затем и в его личности отражение его эпохи и психологии его поколения [13, с.15].

Прогуливаясь по ялтинским местам, Л. Украинка посетила дом, в котором провел свои последние дни рано ушедший поэт [6, с.81]. Уже после отъезда, в 1891 году, она пишет стихотворение „Надсонова домівка в Ялті” («Домик Надсона в Ялте»):

*Смутна оселя!.. В веселій країні,
В горах зелених, в розкішній долині
Місця веселого ти не знайшов,
Смутний співець! Умирать в самотині
В смутну оселю прийшов.
Звідси не видно ні моря ясно́го,
Гомону з міста не чу́тно гучного,
З бору соснового шум тут іде,
Гори лунають од вітру буйно́го,
Часом де дзвін загуде...
Стали в саду кипариси стіною
Оберігати в оселі спокою,
Лаври – неначе зсушила журба,*

Тихо, журливо кива головою,
Віттям плакуча верба.
Все тут журливе кругом сеї хати, -
Та найсмутніші отії кімнати,
Де безталанний поет умирав:
Все тут забрали, що можна забрати, -
Смутку ж ніхто не забрав.
Вікна тьмяні, мов очі слабого,
В хаті порожній самотньо, убого,
Висить свічадо на голій стіні,
Млою повите, – дивитись на нього
Сумно здавалось мені...
Тута останні «огні догоріли»
Тута останні «квітки облетіли»
Тільки зосталася муза одна,
Що не лишила співця до могили,
Тута витає сумна.
Гіло поета в далекій чужині, –
Там, у тій самій холодній країні,
Серце на смерть отруїли його!
Смутная муза літа в самотині,
Кличе поета свого.

[16, с.81]

Перевод В.Рождественской

(Сумрачный дом. В этом крае далеком,
В зелени гор и приволье широком
Места веселого ты не нашел,
Скорбный поэт! Умирать одиноко
В сумрачный дом ты пришел.
Здесь не увидишь простора морского,
Шума совсем не слышать городского,
Стонут лишь мрачные сосны вокруг,
Эхо в горах повторяет сурово
Каждый родившийся звук.
Стали в саду кипарисы стеною,
Оберегая жилище немое.
Лавры, как будто их сушит тоска,
Тихо поникли своей головою,
Свежего ждут ветерка.
Около дома полно все печали.
Грустную комнату мне показали,
Ту, где несчастный поэт умирал...
Все, что убрать было можно, убрали –
Скорби никто не убрал.
Темные окна – как очи слепые,
Комнаты бедные и неживые,
Зеркало тускло блестит на стене.
Только в него я взглянула впервые, -
Дрогнуло сердце во мне.
Здесь ведь навеки «огни догорели»,
Здесь ведь навеки «цветы облетели»,
Здесь только муза витает одна,
Что наклонялась у смертной постели,
Горькой печали полна.
Умер поэт на чужбине далекой...
Дома, на севере, злобой жестокой
Было отравлено сердце его.
Муза витает в доме одиноко,
Друга зовет своего

[17, с.109]

Строки стихотворения точно передают ощущение опустошенности: поэта не стало, а его «муза витает в доме одиноко». Мы понимаем, что 24 года – это не возраст, в котором человек уходит. Тем

более когда речь идет о талантливом поэте. Его последние стихотворения доказывают, что Надсон находился в поисках новой манеры, стремился уйти от заштампованных образов [3, с.46].

В этом смысле даже его высказывания о пребывании в Крыму, в Ялте дисгармонировали с общими для литературы фразами о сказочной красоте Крыма, о южных удовольствиях, экзотике и т.п. Так, по прибытии в Ялту 28 сентября 1886 г. поэт писал одной из своих многочисленных поклонниц: «<...> Что за скверная нора эта Ялта, в сравнении с западными курортами! Это какая-то пародия на юг. Горы – мизерные, море – черное, как чернила, холод – ужасный, гостиницы – скверные» [8, с.632]. А 9 декабря уже в шутовском тоне: «Боюсь, что моя домашняя обстановка покажется вам очень неприглядной. Меня, как поэта, вы, вероятно, воображаете среди каких-нибудь райских кушей, сидящего на ветке рододендрона и бряцающего на лире. На самом деле, я чаще возлежу на диване в комнате или на балконе, выходящем в хорошенький сад, окружающий нашу дачу, и всю красоту моей обстановки составляют крымские горы, с Ай-Петри во главе, да ясное небо, да дальнее море» [8, с.638]. Не следует, очевидно, принимать объективно то, что писал Надсон. Все это проходит через призму его настроения и болезни. Будем учитывать, что впечатления Надсона корректировались и неприятностями, о которых уже упоминалось. И все же нельзя снимать со счетов, что Надсон не оставил восторженных стихов о Крыме, что, несомненно, было понятно всем, находящимся в Крыму на излечении, а не приехавшим в «русскую ривьеру» для душевного отвлечения.

Отметим, что интерес Леси Украинки к поэзии Надсона был довольно устойчив. В 1889 г. в письме к брату Михаилу она советует переводить на родной язык произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и... Надсона. И сама переводит стихотворение последнего «О любви твоей, друг мой, я часто мечтал...». Выбор именно этого стихотворения, действительно эмоционально проникновенного, полагаем, не случаен. Стихотворение небольшое. Написано девятнадцатилетним Надсоном 20 сентября 1881 г., а впервые опубликовано в «Отечественных записках» в январе 1882 г.:

*О любви твоей, друг мой, я часто мечтал,
И от грез этих сердце так радостно билось,
Но едва я приветливый взор твой встречал –
И тревожно и смутно во мне становилось.
Я боялся за то, что минует порыв,
Унося прихотливую вспышку участия,
И останусь опять я вдвойне сиротлив,
С обманувшей мечтой невозможного счастья;
Точно что-то чужое без спроса я взял,
Точно эта нежданная, светлая ласка –
Только призрак: мелькнул, озарил и пропал,
Мимолетный, как звук, и солгавший, как сказка;
Точно взгляд твой случайной ошибкой на мне
Остается так долго, лазурный и нежный,
Или грезится сердцу в болезненном сне,
Чтоб бесследно исчезнуть с зарей неизбежной...
Так, сжигаемый зноем в пустыне скупой,
Путник видит оазис – и верить боится:
Не мираж ли туманный в дали голубой
Лживо манит под тень отдохнуть и забыться?..*

[9, с.143]

*Про любов твою, друже, я марив не раз,
і від мрій отих серце так радісно билось,
та прихильний твій погляд стрічав – і в той час
якось сумно й тривожно на серці робилось.
Я боявся, що порив хвилиний мине
і химерний прихильності сполох погасне,
і лишить сиротою подвійним мене
при тій мрії-мані про щось ясне та щасне.
Наче я що чуже, не питаючи, взяв,
наче ся несподівана дружня ласка
тільки привид, що раптом свінув та й пропав,
нетривкий, мов луна, неправдивий, мов казка.
І немов ненавмисне спинивсь на мені
довго так отой погляд блакитний, лагідний,
се він мариться серцю у хворому сні –*

*з неминучим світанням він зникне безслідний...
Так у спеку в пустелі мандрівці трудні
хоч і бачать оазу, не вірять у тривок:
“десь-то марево млисте в ясній даліні
надить раєм облудним, немов на спочивок”*

[15]

Отметим прежде всего, что Л.Украинка при переводе стихотворения разбила его на четверостишия, отчего каждая лирическая структура получила более очевидную эмоциональную значимость и к тому же – сюжетное завершение: от озаряющей надежды – к ее неизбежному угасанию. Представляется, что особенно близкими Л.Украинке были строки: *Я боялся за то, что минует порыв, / <...> / И останусь опять я вдвойне сиротлив, / С обманувшей мечтой невозможного счастья...* Похоже, это напрямую могло соотноситься с ее личными ощущениями и переживаниями («сиротство», «невозможное счастье», «обманувшая мечта», «прихотливая вспышка участия»). Вместе с тем, за личным, интимным чувством она угадывала скорбь и трагедию не одной и не двух личностей. Тонкому лирику, Лесе Украинке был вполне внятен обобщающий смысл стихотворения – образ поэтической скорби по «несовершенству», но она ценила, что этот образ скорби выражен у Надсона не декларативно, не в абстрактных, а в очень личностных формах.

Поэтическая приближенность к личной ситуации (даже если она не совсем адекватна) чувствуется в ситуативности этого стихотворения, где речь идет о как будто вполне конкретной психологической коллизии. Только в этом случае и можно по-настоящему задеть душу читателя, и, несомненно, эта «личная» ситуация обусловила то, что Л.Украинка выбирает именно это стихотворение, представляющееся ей наиболее убедительным в выражении личного чувства.

И в этом смысле Лесья Украинка была не одинока в восприятии Надсона и его поэзии. Дело в том, что современники не раз подчеркивали, что испытывали на себе обаяние Надсона. «Не смейтесь над надсоновщиной – это загадка русской культуры и в сущности непонятный ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они...», – писал О.Э.Мандельштам [7, с.93-94]. Со зрелостью это чувство проходило, но «загадка» Надсона (а мы назовем это явление литературной популярностью, литературной репутацией Надсона) все оставалась загадкой, а потребность в поэзии Надсона объяснялась той неопределенностью каких-либо четких общественных ориентиров, которые были характерны, например, для 1870-х и даже 1880-х гг. Называя этот период эпохой «безвременья», историки характеризуют тем самым отсутствие какого-либо прогресса общественной мысли и весьма заметное ощущение застоя, упадка в поэзии.

Действительно, 1880-е гг. как будто не характеризуются взлетом поэтических достижений, но полного поэтического молчания все-таки не было. Множество поэтов (К.М.Фофанов, П.Ф.Якубович, К.К.Случевский, О.Н.Чюмина, Д.Н.Цертелев), наряду с Надсоном, воспринимались как подающие надежды. Но они не затмили популярности Надсона. А причина его поэтического успеха – в обаянии литературной личности, что, несомненно, в полной зависимости от личностного начала его поэзии, покорившего воображение и чувство читателей-современников. С.Поварнин замечает, что «для понимания стихов его не требуется особенно развитого эстетического чувства, особых философских познаний, особой тонкости чувств вообще». Поэтому, считает критик, самыми горячими почитателями Надсона были юноши и девушки из провинции. Впрочем, строгому суждению С.Поварнина можно противоположить то неизбывное в русской молодежи, и притом не только провинциальной, доверие к поэзии, к личному авторитету поэта. А Надсон воспевал «вековечную красоту молодости», «мечты, наполняющие и волнующие всякую здоровую юность» [8, с.19]. И потому, по мысли П.Ф.Якубовича, «во всей русской поэзии, быть может, не сыщется более картинного описания этой «тревоги юных сил», чем в надсоновских стихотворениях «Испытывал ли ты, что значит задыхаться» и «Сегодня всю ночь голубые зарницы» [8, с.11].

Поэтическая личность Надсона легко «восстанавливается» из поэзии. Даже не зная, к примеру, всех обстоятельств жизни поэта, вы проникаетесь к нему бесконечным сочувствием – так здесь услышана и передана «жгучая боль» каждого отдельного человека.

В действительной жизни Надсон был, по-видимому, гораздо более деятелен, активен (его участие в работе газет «Неделя» в качестве секретаря и «Заря» – как журнального обозревателя); по письмам, где не только скорбь и печаль, но виден и откровенный гнев, возмущение, а также по дневнику, передающему богатство событий, поездок. В поэзии же перед нами страдающая личность, при этом страдающая за все: за судьбу своей страны (*В лохмотьях нищеты, истерзана кнутом, / Покрыта язвами, окружена штыками*), за духовную бесперспективность своего поколения, за друзей.

Совершенно не случайно потому современники Надсона проводят параллель между Надсоном и Всеволодом Гаршиным и совершенно не случайно В.Гаршин видел в Надсоне родственную душу [5] и, между прочим, тоже «скорбный» образ.

Возможно, именно этот образ страдающей личности при всем, несомненно, сознательно индивидуализированном Надсоном варианте оказался созвучным целому поколению российской молодежи. По законам рецептивной эстетики востребованным становится созвучное эпохе. Актуализация того или иного литературного текста, поэтического настроения мотивируется исторической обстановкой и запросами общественности.

Надсон ставил перед своим поколением вопросы, и главные среди них: «кто я?», «каково мое место в истории?». И если каждый чувствовал себя в этой истории «сиротливо одиноким», то поэзия Надсона давала ему несомненную опору, демонстрировала ту меру сопротивления упадку и смерти, подавала надежду, хоть и робкую, на счастье. И когда мы читаем о безнадежном счастье у С. Надсона и у Л. Украинки, мы, тем не менее, понимаем, что за этим стоит надежда на счастье.

Для современников Надсон остался символом эпохи безвременья. В истории поэзии, разумеется, эта точка зрения не может не меняться. Надсон представляет для историка литературы яркий пример моделирования своего поэтического образа как в поэзии, так и в иных «лирических» жанрах (эпистолярном наследии, дневниках). Другое дело, что загадка поэтического обаяния должна стать предметом специального изучения с точки зрения реализации поэтической «роли». В этом смысле безусловная увлеченность Л.Украинки творчеством и личностью Надсона открывает, хоть и не вполне, некоторые грани авторской работы Надсона над собственным поэтическим образом. Поэтический отклик Л.Украинки – верный знак признания этого поэтического образа.

Литература:

1. Бихтер А. Демократическая поэзия 1870-1880-х годов // Поэты-демократы 1870-1880-х годов. – М.-Л., 1962. – С. 5-54.
2. Бялый Г. А. Поэты 1880-1890-х годов // Поэты 1880-1890-х годов. – М.-Л., 1964. – С. 5-90.
3. Бялый Г. А. С. Я. Надсон // Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1962. – С.5 – 46.
4. Ватсон М. В. Семен Яковлевич Надсон // Стихотворения С. Я. Надсона. – СПб., 1898. – С. 7–88.
5. Гаршин В. М. Полн.собр.соч.: В 3-х т. – Т. 3. – М.-Л., 1934.
6. Дегтярев П. А., Вуль Р.М. У литературной карты Крыма. – Литературно-краеведческие очерки. – Симферополь, 1965.
7. Мандельштам О.Э. Египетская марка. – Л., 1928.
8. Надсон С. Я. Проза. Дневники. Письма. – СПб., 1913.
9. Надсон С. Я. Полное собрание стихотворений. – М. – Л., 1962.
10. Обнинский П. Чего недостает нашей благотворительности // Русская мысль. – 1899. – № 1. – С. 86-113.
11. Оршанский И. Современное психологическое движение // Русская мысль. – 1899. – № 1. – С. 1-15.
12. Поварнин С. Поэт-мечтатель // Жизнь. – 1897. – Т II. – С. 54–77.
13. Протопопов М. Поэты переходного времени // Русская мысль. – 1899. – № 1. – С. 179-199.
14. Сапожков С. В. «Сломленные крылья»: поэзия Семена Яковлевича Надсона // Литература в школе. – 1999. – № 8. – С. 32-43.
15. Українка Леся. Про любов твою, друже, я марив не раз (О любви твоей, друг мой, я часто мечтал). – Художні переклади, статті, 1884–1910. – Т.IV. – К., 1954. – С.29.
16. Українка Леся. Вибрані твори. Поезії. Поєми. Драматичні твори. – К., 1974.
17. Українка Леся. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. – Т.1. – М., 1956.

Поступила 08.09.2004 г.